

УДК 82.02

Боруруева Н.В.*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Университет Сорбонна-Париж IV***«ЛИТЕРАТУРА МИРА» (LITTÉRATURE-MONDE) В ИЕРАРХИИ МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ**

Аннотация. В статье анализируется содержание манифеста Мишеля Ле Бриса «За литературу мира на французском языке» («Pour une littérature-monde en français», 2007) и предлагаемое автором манифеста понятие «литература мира» (*littérature-monde*); рассматривается его связь с понятиями «мировая» и «франкоязычная» литература, а также раскрываются внутренние противоречия понятия, при помощи которого Мишель Ле Брис пытается решить актуальную проблему позиционирования франкоязычной литературы в поле мировой литературы. В заключение, на основании проделанного анализа, автор говорит о сложностях, связанных с переводом термина на русский язык.

Ключевые слова: мировая литература, франкоязычная литература, франкофонная литература, литература мира

N. Borurueva*Lomonossov Moscow State University
Sorbonne-Paris IV University***«LITTÉRATURE-MONDE» IN THE HIERARCHY OF THE WORLD
LITERATURE: THE PROBLEM OF DEFINITION**

Abstract. The article analyses Michel Le Bris' manifesto «Pour une littérature-monde en français» (2007) as well as the concept of «littérature-monde» in its connection with the «world» and «francophone» literature. The author studies some inner contradictions of the concept that let Michel Le Bris offer a solution of an urgent question – to define the position of the francophone literature in the hierarchy of the world literature. In conclusion, given the analysis, the author dwells on the difficulties concerning the research of the Russian equivalent of the *littérature-monde* term.

Keywords: world literature, francophone literature, *littérature-monde*.

На фоне ускоряющихся процессов глобализации особую актуальность приобретает вопрос о формировании и функционировании «мирового литературного пространства», составе «мировой литературы», организации «международного литературного пространства» как иерархичной системы. Наиболее часто предметом обсуждения становится именно эта иерархичность, основанная на неравенстве символического капитала «больших» и «малых» литератур. В связи с полемикой во французском литературоведении появилось понятие «литература мира» (*littérature-monde*, буквально: «литература-мир»). Мы попытались

© Боруруева Н.В., 2014.

выяснить, в чём заключается его связь с понятием «мировой литературы» («*littérature mondiale*»).

В работе Жерома Давида «Призраки Гёте» [2] рассматривается история понятия «мировая литература» и обсуждаются его интерпретации у Гёте, Маркса, Мултона, Ауэрбаха, Дамроша и др. На основе его размышлений можно сделать вывод, что главная проблема «мировой литературы» (автор ставит слово в кавычки) заключается в её составе и организации: какими качествами должно обладать то или иное литературное произведение, чтобы приобрести статус произведения «мирового» значения (причём, чаще всего имеется в виду западный мир)? Идёт ли речь об избранных «великих шедеврах» (литературном каноне) или произведениях, вышедших на международный рынок, например, благодаря переводу? Дополнительная сложность возникает при переходе термина из одного языка в другой: *Weltliteratur*, *world literature*, *littérature mondiale*, мировая или всемирная литература — в разных языках эти понятия приобретают свои оттенки и значения. В работе Жерома Давида также приводится размышление о том, что конкретный состав «мировой литературы» меняется в зависимости от точки зрения, места и эпохи.

Иногда высказывается мнение, что «мировая литература» — это совокупность всех существующих в мире литературных текстов. Именно так считает французская исследовательница Паскаль Казанова, автор известной, хоть и полемичной работы «Мировая республика словесности». Для неё «мировая литература» — «каждая книга, написанная в мире и объявленная литературной» [1, р. 20]. Однако ядро

понятия «мировая литература» формируется всё же вокруг идеи избранности (не всякий текст может быть причислен к «мировой литературе»), некоего ограниченного списка, пусть и варьирующегося во времени и пространстве. Идея «мировой литературы» напрямую связана с проблемой иерархии произведений и их распределения по местным/национальным/международным уровням, а также с проблемой критериев объективной или субъективной оценки этих произведений (в этом плане парадигма мнений обширна: от крайнего релятивизма — «моя мировая литература» [2, р. 205] — до установления неизменного канонического списка шедевров).

Иерархия мирового литературного пространства особенно волнует так называемых франкоязычных, или франкофонных, авторов, существующих в пространстве пограничья на пересечении нескольких культур. Они именуют литературное пространство, которое принято называть франкофонией, «франкоязычным гетто», как бы не дотягивающим до величия французской литературы. Например, марокканский франкоязычный писатель Тахар Бенджеллун заявляет: «Франкоязычными называют писателей-чужаков, пришедших из другого мира, которые обязаны придерживаться своего второстепенного статуса по отношению к исконной французской литературе <...> Это разделение реально существует, оно представлено в словарях, в средствах массовой информации и в политике. Оно почти граничит с дискриминацией» [6, р. 117]. Понятие франкофонии столь обсуждаемо, что было включено Пьером Брюнелем в «Словарь современных мифов» в 1999 году [4].

Вместо термина «франкофония» в 2007 году писатель Мишель Ле Брис предложил использовать новый термин — «литература мира» (*littérature-monde*), подробно описанный в манифесте «За литературу мира на французском языке» («*Pour une littérature-monde en français*»), который лёг в основу одноимённого коллективного сборника статей франкоязычных авторов. Чтобы понять, каким образом связаны понятия «литература мира», «мировая литература» (*littérature mondiale*) и «франкофонная литература» (*littérature francophone*), мы проанализировали манифест Мишеля Ле Бриса и пришли к следующим выводам.

Прежде всего, предлагая новое понятие, Мишель Ле Брис преследует сразу несколько лежащих в различных плоскостях целей:

- описать содержательный аспект литературы нового типа (внутренний уровень произведения), характеристиками которой являются:

- возвращение к *реальному миру, действительности* как референту. Мишель Ле Брис напрямую заимствует идеи о трёх тенденциях в развитии французской литературы из эссе Цветана Тодорова «Литература в опасности» («*Littérature en péril*»), среди которых формализм (отказ от репрезентации действительности в пользу формально-риторических приёмов), нигилизм (отрицание действительности) и солипсизм (нарциссическое самолюбование автора, закрывающего глаза на окружающий мир). «Каждый раз, но в различных модусах, внешний мир, мир, общий для меня и других, отрицается или обесценивается» [7, р. 36], — пишет Цветан Тодоров. Мишель Ле Брис призывает к восста-

новлению в правах репрезентативной функции литературы, противопоставляя «живое слово» (слово, не являющееся симулякром, сохраняющее свое означаемое) «чистой форме».

- **отображение в литературе нового состояния современного мира**, идущего по пути повсеместного взаимопроникновения культур.

- описать *место* нового типа литературы в пространстве «мировой литературы» (внешний по отношению к произведениям уровень): пересмотреть существующие иерархии, отказаться от понятия литературных центров («мир <...>, вновь ставший круглым» [6, р. 41]).

Нетрудно заметить, что Мишель Ле Брис при помощи нового понятия не только пытается решить проблемы различных уровней и различной природы, но и актуализирует в своём определении несколько значений слова «мир»:

- мир как внешняя реальность и окружающая действительность: «изучение одних лишь критических инструментов, как если бы сама идея того, что произведение может рассказывать что-то о *мире*, о тебе самом, о человеческом уделе, считалась пошлостью»¹ [6, р. 26];

- мир как мировое человеческое сообщество: «невероятная усталость от положения дел во французской литературе, закрывающей глаза и уши, чтобы не видеть, в каком направлении движется *мир*» [6, р. 25];

- мир как новое метисное состояние этого сообщества: «очевидность новой литературы, шумной, разноцветной, метисной, наподобие нового зарождающего мира» [6, р. 32];

¹ Здесь и далее курсив мой (Н.Б.)

- мир как особая сфера жизни (мир литературы и искусства): «Я был убеждён, что рождался новый чарующий и волнующий *мир* <...>, вновь принадлежавший художникам, творцам, писателям» [6, р. 27];

- **вымышленный мир литературного произведения:** «Литература остаётся одним из самых замечательных видов деятельности, по-прежнему осмеливаясь создавать *миры*» [6, р. 28].

Итак, произведение, претендующее на включение в поле литературы мира, должно отвечать тройному критерию: 1) сохранять свою содержательность («живое слово»); 2) говорить о современном мире с его смешением культур; 3) отказаться от претензии на национальный и однородный характер. По мнению Мишеля Ле Бриса, этим критериям лучше всего отвечают франкоязычные, англоязычные и другие авторы культурного пограничья. Именно они оказываются в авангарде «мировой литературы» благодаря актуальному характеру своего межкультурного положения, которое и отражается в их произведениях. Таким образом, речь идёт вовсе не о заявленном разрушении иерархий (образ «круглого мира»), но всего лишь об их пересмотре в пользу авторов культурного пограничья, долгое время считавшихся выходцами с литературной периферии. Несмотря на то что писатель говорит о «множественной, разнообразной, цветной, а не единообразной литературе» [6, р. 41], не подчиняющейся «никаким школам и никаким формам» [6, р. 29], в действительности, речь всё же идёт об определённом типе литературы с определёнными характеристиками.

Из размышлений Мишеля Ле Бриса следует, что литература мира относит-

ся к «мировой литературе» как часть к целому, причём сама литература мира подразделяется на секции согласно лингвистическому принципу: литература мира на французском, литература мира на английском и т. д. Сам язык письма, по сути, не имеет значения и оказывается не более, чем случайностью («Просто получилось так, что, будучи писателем, я использую французский язык» [6, р. 43]).

Литература мира представляется как некое актуальное течение «мировой литературы» (в данном случае «мировой» — значит на международном уровне), к которому можно примкнуть. «<...> да, франкоязычная литература была обширной, разнообразной, *мировой*, вступала в диалог с англоязычной литературой — это Франция должна была решать, вступать ли ей в это огромное целое. На равных» [6, р. 45], — утверждает автор манифеста. В реальности же франкоязычные авторы стремились быть причисленными к пантеону французской литературы с её длительной историей и великими именами, обеспечивающими её легитимность [1, р. 34]. **Теперь же франкоязычная литература более не нуждается в литературе французской как гаранте своего мирового значения.** Франкоязычная литература не только попадает в сферу «мировой литературы» напрямую, но и, более того, оказывается в её центре, претендуя, в свою очередь, на универсальное значение («<...> понимание того, что происходящее с этими авторами касается всей литературы» [6, р. 34]). **Проще говоря, иерархия отношений французской и франкоязычной литературы переворачивается.**

Наш анализ мог бы ограничиться следующим выводом: литература мира

в представлении Мишеля Ле Бриса — это новое средство легитимации пограничных литератур, появление которого ещё раз свидетельствует о том, что борьба за право существования в «мировой республике словесности», о которой говорит Паскаль Казанова, далека от завершения. Однако нельзя не отметить тот факт, что сама форма написания термина, объединяющая два слова посредством дефиса, отсылает к трудам и к эстетике Эдуара Глиссана, авторству которого принадлежат, в частности, понятия «chaos-monde» (хаос мира), «tout-monde» (весь-мир) и «totalité-monde» (полнота мира). Наше предположение о связи рассуждений Мишеля Ле Бриса с эстетикой Эдуара Глиссана подтверждается и наличием в манифесте аллюзий на его работы, присутствующих на уровне интертекста. Например, «любой писатель, использующий сегодня определённый язык, пишет в окружении всех языков мира» [6, р. 46], — говорит Мишель Ле Брис. Это не просто переключка, но перифраза идеи Глиссана: «Я повторяю, что многоязычие не предполагает ни сосуществования языков, ни владения несколькими языками — это присутствие всех языков мира в используемой тобой языке» [5, р. 41].

Однако идея новой иерархии, которую Мишель Ле Брис подспудно вкладывает в своё определение, в корне противоречит эстетике Эдуара Глиссана, не приемлющего иерархий — прерогативы западного «мышления системы». Все существующие элементы мира, по мнению философа, связаны узлами Отношения (Relation), которое приходит на смену подчинению. Мир превращается из централизованной системы в ризому, «сеть которой свя-

зана сочинительной связью «и... и... и...» <...>» [3, р. 36]. Мир может только включать, но ничего из себя не исключает, в то время как понятия литература мира и «мировая литература» основаны на принципе исключения и наличии «дискриминационных» критериев этого исключения. Дефис «littérature-monde» как знак объединения объединяет, но объединяет лишь избранные элементы, заключая их в закрытую, хоть и проницаемую, категорию — это противоречит не только эстетике Эдуарда Глиссана, но и мысли многочисленных франкоязычных авторов, призывающих к отказу от деления мира на национальные, социальные, гендерные и прочие категории, повсеместно провоцирующие вспышки жестокости и насилия. Мы можем лишь предполагать, что франкоязычные авторы, подписавшие манифест, вероятно, невнимательно ознакомились с текстом Мишеля Ле Бриса и не вникли в его суть.

В заключение обратимся к проблеме перевода нового термина на русский язык. Задача представляется нелёгкой в связи с множеством разноплановых смыслов, заключённых в обозначаемом им понятии. Во-первых, чтобы передать все оттенки его значений, необходимо сохранить в переводе корень «мир», не забывая, что литература мира говорит одновременно о мире как об окружающей действительности и современных тенденциях развития мира как человеческого общества вне зависимости от страны или нации. Во-вторых, в идеальном переводе нужно было бы сохранить дефис, отсылающий к целому понятийному аппарату франкоязычных исследований, основанном на трудах Эдуара Глиссана.

В-третьих, сохранить требуемую дистанцию между терминами «*littérature-monde*» и «*littérature mondiale*». «*Littérature-monde*» — это не «мировая литература», не «мир литературы» и не «мировое литературное сообщество». По логике Мишеля Ле Бриса, объединяющего множество аспектов в одном понятии, это одновременно «литература-о-мире», «литература-в-мире» и «весь-мир-в-литературе», однако каждый из этих вариантов, взятый по отдельности, отражает лишь одну из граней многостороннего понятия. Поскольку перевод «литература-мир» показался нам слишком буквальным, мы предпочли использовать в качестве рабочего перевода, несмотря на отсутствие дефиса, выражение «литература мира» как наиболее точно передающее многозначность французского слова «monde» и включающее дополнительные семантические оттенки: мир как отсутствие конфликтов — эта важная коннотация вполне

соответствует духу франкоязычной литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Casanova, Pascale. *La république mondiale des lettres*. Préface inédite, éd. revue et corrigée. P.: Seuil, 2008. 492 p.
2. David, Jérôme. *Spectres de Goethe : Les métamorphoses de la «littérature mondiale»*. P.: Les prairies ordinaires, 2011. 306 p.
3. Deleuze, Gilles. Guattari, Félix. *Mille plateaux*. P.: Les Éditions de Minuit, 1980. 645 p.
4. *Dictionnaire des mythes d'aujourd'hui / Dir. Pierre Brunel avec la collaboration de Frédéric Mancier et Matthieu Letourneux*. P.: Editions du Rocher, 1999. 944 p.
5. Glissant, Édouard. *Introduction à une Poétique du Divers*. P.: Gallimard, 1996. 144 p.
6. *Pour une littérature-monde / E. Almassy, T. Ben Jelloun, M. Condé et al. ; Dir. M. Le Bris et J. Rouaud*. P.: Gallimard, 2007. 342 p.
7. Todorov, Tzvetan. *La littérature en péril*. P.: Flammarion, 2006. 94 p.